

Новый год только начался, и дни, казалось, несли в себе намёк на весну. Солнце светило уже несколько дней, и столица была особенно шумной и оживлённой. Атмосфера радости царила повсюду.

Однако студенты Императорской Академии (1) были не в настроении наслаждаться радостной атмосферой Нового Года, так как все они готовились к предварительному туру императорских экзаменов (2), который должен был состояться менее чем через две недели. В академии студенты деловито обсуждали стратегию, в то время как во дворе снаружи Ведающий Записями (3) беседовал с Ректором Академии (4).

- Этот скромный чиновник считает, что в этом раунде экзамена есть несколько перспективных кандидатов, - сказал Ведающий Записями Сун, заглянув в здание.

Ректору Чэню было всего сорок лет, но в его волосах пробивалась седина, придавая ему вид уравновешенного мудреца. Он пригладил бороду, заговорив:

- Давай, скажи, что ты думаешь.

- Мо Цун, Ван Цзы Лин и Лю Минь, - ответил Ведающий Сун. Он пробормотал, почти про себя: - Эти трое достигли образцовых результатов, относится ли это к Четверокнижию (5), Пятиканонию (6), Закону или Искусству Математики (7).

Услышав это, Ректор Чэнь не сразу ответил. После минутного молчания, Ведающий Сун внимательно посмотрел на него и спросил неуверенно:

- Считает ли дажэнь, что это неуместно? Изволите ли поделиться своими мыслями?

Ректор Чэнь лишь покачал головой:

- Лю Минь не плох, но эссе, которое он представил Императору по текущим делам, давая советы по политике, было несколько предвзятым. Его понимание текущей политической ситуации в династии не является здоровым, и поэтому он не может не быть довольно экстремальным.

- Вот как... - Ведающий Сун тоже нахмурился. - Лю Минь из бедной семьи, поэтому неудивительно, что он не понимает текущей политической ситуации.

Ректор Чэнь прервал его:

- Я думаю, что Цзян Чао неплох. Я читал его эссе, и он уделяет внимание всем аспектам. Он талантлив.

Ведающий Сун покачал головой:

- Он слишком лощёный. Он выдвигает красноречивые, но пустые аргументы - что не может быть хорошо.

Взгляд Ректора Чэня слегка переместился, а затем он медленно улыбнулся.

- То, что мы с тобой говорим, не имеет значения. В конце концов, важно мнение Императора.

Ведающий Сун тоже улыбнулся в знак согласия.

Когда утренние занятия закончились, студенты вышли из Императорской Академии по двое и по трое. Цзян Чао шёл прямо впереди. В настоящее время он улыбался, болтая с двумя своими хорошими друзьями, идущими рядом с ним.

- Ван Сюн (8) становится более опытным в своей стратегии и контроле, уча своего Сяоди (9) стыдиться того, что он хуже, - когда он это сказал, на лице парня появился оттенок стыда.

Ван Цзы Лин сложил руки в приветствии:

- Цзян Сюн, у тебя нет причин быть чрезмерно скромным. Я не могу сравниться с тобой в знании математики.

Молодой человек в зеленом счастливо улыбнулся.

- Если мои два брата продолжать быть настолько самоуничижительными, то мы можем просто спрыгнуть в ров, - этим человеком был Мо Цун, который, казалось, пребывал в очень хорошем настроении. Размахивая рукой, он продолжил: Учеба в последние несколько дней заставило мой мозг болеть. Почему бы нам не повеселиться? Я буду хозяином сегодня, давайте соберёмся в Дун Фэн Лоу (10). Что скажете?

Когда молодые люди вокруг них слышали его слова, они с улыбкой сгруппировались вокруг него.

- Мо Цун, раз уж ты хозяин, почему бы тебе не пригласить всех нас? Это слишком скупое с твоей стороны.

Мо Цун громко рассмеялся.

- Ты назвал меня скупым! Хорошо, на этот раз я проявлю великодушие и приглашу всех джентльменов. Тогда я не потеряю любовь своих сокурсников!

Толпа энергичных молодых людей вышла, улыбаясь и болтая. Однако позади них у ворот Императорской Академии осталась одинокая фигура. Его фигура была высокой и стройной, и он носил синее одеяние, которое стирали так часто, что цвет поблёк. У него была светлая кожа и тонкие черты лица. Однако он излучал ауру едва скрываемой обиды и одиночества. Он посмотрел издали на спины молодых людей перед собой, и презрение мелькнуло на его лице.

Этим человеком был Лю Минь, о котором ранее говорили Ведущий Сун и Ректор Чэнь. В отличие от других учёных, готовившихся к экзамену, он не был дворянином. Лю Минь родился в бедной семье, а его единственной оставшейся семьёй была овдовевшая мать. У матери Лю Миня жил старый друг в столице, принадлежавший к высшему обществу, и она нашла способ отправить Лю Миня в Императорскую Академию. Мать Лю Миня всегда обладала чрезвычайно сильным чувством собственного достоинства, но ради поступления Лю Миня в Императорскую Академию, она, впервые в жизни, обратилась за помощью к своему старому другу. Когда Лю Минь поступил в академию, он поклялся, что преуспеет, чтобы отплатить матери за жертвенную любовь и заботу.

Большинство молодых людей из благородных семейств академии были праздными людьми. Всё, что у них было, – это их имена и репутация, которой они не соответствовали. Лю Минь искренне презирал их. Единственным, кого он считал не слишком плохим, был Мо Цун, но тот был из богатой семьи и не общался с такими бедными, как Лю Минь. Таким образом, именно Лю Минь стал чудаком академии и, следовательно, держался обособленно.

Лю Минь вернулся в учебную резиденцию академии. Он был единственным, кто там остановился. Все остальные учёные не хотели оставаться там, так как разница между ним и их собственными резиденциями была столь же велика, как расстояние между небом и землей. Таким образом, Лю Минь имел все удобства для жизни в одиночку в просторной резиденции без каких-либо затрат.

Положив учебники на стол, он повернул голову и с удивлением обнаружил, что на столе неизвестно когда появилось письмо. Слуги академии заходили в кабинет только для того, чтобы прибраться, поэтому он понятия не имел, кто мог оставить там письмо. После минутного колебания парень взял письмо и открыл его. При этом из него выпал лист белоснежной бумаги.

Это была широко используемая бумага сюань (11), которую редко можно было увидеть в академии, так как другие учёные из благородных семей предпочитали специально отобранную, первоклассную "бумагу грушевого цвета". Лю Минь наклонился, чтобы поднять бумагу. Когда он развернул письмо, его встретила строка энергично написанных, чётко очерченных иероглифов.

Я слышал, что в прошлом мудрецы управляли страной, подчёркивая честь, мораль и обычаи, и страна процветала. Когда эти мудрецы ушли, народ пришёл в упадок. Поэтому правильный путь управления нацией – это честь, мораль и обычаи. Однако другие говорят, что, хотя все эти сантименты хороши, они не эффективны в контроле и управлении людьми. Баланс должен быть достигнут с помощью закона и порядка, которых придерживаются все люди, тогда нация сможет жить в условиях процветания и стабильности. Этот человек – глупый ребёнок, который

всё ещё озадачен этим, несмотря на множество размышлений, и я ищу мнение моего Милостивого Господина (то есть, что, по Вашему мнению, работает лучше и почему).

Очевидно, его совета искали. Это было обычной практикой среди учёных Академии. Если была тема или вопрос, который человек не мог понять и нуждался в обсуждении, то он писал письмо с подробным описанием своих сомнений или вопросов. Это можно считать интересным методом, используемым учёными для решения непонятных вопросов. Однако из-за низкого статуса Лю Миня никто никогда не брал на себя инициативу спросить его мнение по любому вопросу. Письмо не было подписано, так что он понятия не имел, кто его написал. Некоторое время он размышлял над этим, но всё ещё не имел ни малейшего понятия. Говорили, что характер можно определить по мазкам кисти. Он ещё раз взглянул на строчку, написанную уверенно, но изящно. На первый взгляд она казалась полностью состоящей из острых точек и краёв. Однако при ближайшем рассмотрении штрихи получались плавными. Общий эффект заключался в намёке на скрытую эмоцию, которую он не мог понять. В этот момент в нём проснулся дух соперничества. Он взял лист бумаги сюань с письменного стола, растер чернильный камень и начал водить кистью по бумаге.

Закончив писать, он поднял бумагу и подул на неё. Парня вдруг осенило: он не знал, кто послал ему письмо, и потому не знал, кому отдать его. После минутного замешательства Лю Минь покачал головой и рассмеялся над своей одержимостью. Он положил письмо в конверт, немного подумал и положил его на письменный стол, решив, что всё это шутка.

* * *

Он был не единственным, кто писал. В Цзян фу Цзян Жуань отложила кисть. Бай Чжи взяла со стола бумагу сюань и подула на неё, в то время как Лянь Цяо задала вопрос:

- Мы отправим её тому молодому человеку?

Цзян Жуань кивнула:

- Отправь его чуть позже, к концу дня.

- Юная леди, это действительно неуместно, - сказала Лу Чжу с некоторым колебанием. - Что мы сделаем, если об этом узнают другие? В конце концов, этот молодой человек - незнакомец, а письмо такое личное...

- Чего тут бояться? Я не подписывала письмо, - без малейшего беспокойства, Цзян Жуань продолжила: - Более того, никто не подумает установить какую-либо связь между ним и мной. Ведь мы никогда не встречались.

Лянь Цяо спросила:

- Даже если так, это всё ещё странно. Так как Юная леди никогда не встречала этого парня, почему вы пишете ему такие вещи?

Цзян Жуань слабо улыбнулась, но ничего не ответила. Лю Минь, должно быть, сейчас читает своё первое письмо. Цзян Жуань ясно помнила, что в её предыдущей жизни тремя лучшими учёными были Ван Цзы Лин, Мо Цун и Цзян Чао. Лю Минь занял только восемнадцатое место. Однако три года спустя стало известно, что главный экзаменатор в то время брал взятки. Император, совершенно рассерженный, наказал главного экзаменатора. В конце концов, после просмотра эссе, представленных в тот год, только Лю Минь привлек его внимание. Лю Минь стал чиновником третьего ранга, постоянно повышался в должности, пока, наконец, не стал Императорским Великим Наставником.

-
1. Guo zi lan (國子監) - Императорская Академия, высший орган образования в Императорском Китае.
 2. Ke kao (科考) - имперские экзамены, система экзаменов на государственную службу в императорском Китае для отбора кандидатов в государственную бюрократию. Истоки открытой экзаменационной системы лежат в ранней династии Хань, когда мудрые правители поняли, что способ избежать чиновников, строящих основы власти из своей семьи и друзей, состоял в том, чтобы назначать на основе таланта и интеллектуальных заслуг, а не на богатстве или семейном происхождении.
 3. Zhu bu (主簿) - Ведающий Записями, древний титул для правительственного чиновника, который отвечал за книги, печати, официальные придворные документы и так далее, что-то вроде секретаря императора. В зависимости от династии у него достаточно власти.
 4. Ji jiu (計九) - звание важного правительственного чиновника. Предположительно кто-то, кто контролирует высший орган образования.
 5. Si shu (四書) - литературно переводится, как четверокнижие. А именно: "Лунь Юй" (論語, беседы и суждения), "Мэнцзы", "Да сюэ", "Чжун юн" (中庸).
 6. Wu jing (五經) - пять классиков конфуцианства. А именно: "Книга Перемен" (кит. И цзин; 易經), "Весны и осени" (кит. Чуньцю; 春秋), "Книга песен" (кит. Ши цзин; 詩經), "Канон [исторических] писаний" (кит. Шу цзин; 書經) иначе называемый "Шан шу" ("Почтенные писания"), "Записки о правилах благопристойности" или "Записки о ритуале" (кит. Ли цзи; 禮記).
 7. Shu shu (算術) или shu suan (算學) - вероятно, "десять книг счетного канона/математическое десятикнижие", сборник из десяти китайских математических работ. Учебник, носивший название "Суань цзин ши шу" - компиляция наиболее значительных работ, известных в то

время. В него входили "Канон расчёта чжоуского/всеохватного гномона" и "Девять глав".

8. Xiong (兄) – старший брат; также используется для обращения к мужчинам старше или близким по возрасту.

9. Xiao di (小弟) – младший брат; также используется для обращения к мужчинам моложе.

10. Здесь есть небольшой каламбур. Zuo dong (左东) должен играть роль хозяина, но это буквально означает "быть Востоком (东)", и он предлагает dong feng lou (东风楼) – литературно: "Дом восточного ветра" – как место их сбора.

Хозяин дома 东道主 – угощающий; тот, кто оплачивает угощение.

11. Xuan zhi (宣纸) – тип бумаги, традиционно производимый в провинции Аньхой, который предпочтителен для каллиграфии/письма. Сюаньская бумага известна своей мягкой и тонкой текстурой, подходящей для передачи художественного выражения как китайской каллиграфии, так и живописи.

Бумага Сюаньчжи:

<http://tl.rulate.ru/book/11876/860211>